

Л.Чарская. Сестра Марина -- Санкт-Петербург-Москва: т-во О.Вольф, 1913 -- 322с.: ил.
Е.Самокиш-Судковской

Карті, 2009 г.

Исправлено в соответствии с современной орфографией.

СЕСТРА МАРИНА

Повесть для юношества Л. А. ЧАРСКОЙ

ГЛАВА I.

В доме генеральши Махрушиной встают поздно. Даже прислуга позволяет себе некоторую роскошь--подниматься не раньше восьми часов. Поэтому, когда на больших бронзовых, в виде скачущего рыцаря, часах на камине в гостиной пробило шесть, в огромной, роскошно обставленной барской квартире все еще спят крепким сладким утренним сном.

Только в дальней, находящийся в самом конце коридора, комнатке, -- в "Нютиной келье", как ее называют домашние, -- наблюдается некоторая жизнь.

Электрическая лампа, под абажуром, в углу, освещает комнату. Все здесь просто и уютно: небольшой диван, кожаные кресла, круглый столик, этажерка с книгами, узенькое трюмо в углу, за ширмой умывальник и кровать. На полочках и стенных этажерочках--бюсты великих людей: Пушкина, любимого Нютино поэта, Гете, Шекспира.

Сама Нюта, тоненькая, стройная, невысокого роста девушка, с очень худеньким, бледным лицом, которому мертвенный свет электричества придает несколько болезненный оттенок, с большими детскими, как бы что-то ищущими, пытливыми глазами под нахмуренными линиями темных бровей, с небрежно закрученным на затылке белокурым узлом непокорно выющихся волос, стоит на коленях посреди комнаты над раскрытым ручным саквояжем. Тут же, подле нее, на диване, разложены две-три смены белья, необходимые принадлежности туалета, запасная блузка из темного люстрина для каждого дня, пара мягких туфель, полотенце, небольшая подушка-"думка" и маленький серебряный образок -- благословение покойной матери.

Нюта, сосредоточенно хмурая темные брови, убирает дрожащими руками вещи в саквояж. Она заметно волнуется... Надо поспеть, во что бы то ни стало, с уборкой, пока не проснутся в доме... Не дай Бог, если кто-нибудь увидит... Хоть одна душа... Донесут, и тогда все пропало, все...

Эта мысль ударяет как молотом в белокурую головку девушки, бросает пятна румянца на ее худенькое лицо, с несколько крупными большими бледными губами.

-- Господи, помоги мне! -- шепчут эти крупные бледные губы, а дрожащая рука усиленно крестится быстрыми мелкими крестами...

Наконец все готово. Необходимые принадлежности багажа исчезли в глубине ручного саквояжа, и Нюта, с легким вздохом самоудовлетворения, поднимается с колен.

-- Теперь одеться скорее и... и с Богом!

Она подходит к трюмо. Гладко отполированная поверхность зеркала отражает тоненькую, худенькую фигурку в изящном (о, слишком даже изящном, к глубокому огорчению Нюты!), сшитом по последней моде, платье, делающем ее похожей на барышню из аристократического дома.

Нюта смотрит на свое нарядное платье, с вычурным фасоном, и горькая усмешка скользит по ее губам, когда она шепчет:

-- Еще бы! Нельзя было сделать хуже, нежели у Женни. О, эта педантичная справедливость tante Sophie!.. Сколько стоила она мне слез и горя! Ведь не любовь это, нет, а боязнь, чтобы свет (ах, этот свет!) не подумал: "родную дочь балует и любит, а племянницу держит в черном теле"... Слава Богу, скоро... "скоро теперь... сейчас избавлюсь от всего этого .. Никого, никого не жалею, только Марину... Милая она... Но чем же рискует Мариночка?.. Душа моя! Отплачу ли я тебе когда-нибудь за все это!..

Зеркало отражает взволнованное бледное лицо, дрожащие губы и блестящие слезами серые глаза. Нюта проворно смахивает слезы, надевает шляпу... Шляпа эта -- темного фетра с большим страусовым пером.

Слишком нарядная шляпа...

Но что делать?! Она выбрала самую скромную. Другие -- еще наряднее, светлее. Эта хоть темного цвета, и то спасибо. Ах, тетя, тетя!

Шляпа заколота... перчатки надеты... Длинный, покроя сюртука, английский жакет прикрыл тоненькую миниатюрную фигурку. Саквояж в руках.